

Гу Сяодун удивленно округлил глаза, перехватил руку Гу Цзиньюя и потянул вниз. Словно наказывая нашкодившего щенка, он звонко шлепнул его по тыльной стороне ладони — раз, другой. В последнее время он слишком много возился с Сяо Пэем, вот и перенес привычку воспитывать мелкого пса на этого огромного, матерого волкодава.

— Гу Сэньцин, тебе ведь на задание уезжать, а в голове до сих пор такой сумбур, — хмурясь, выговаривал ему Сяодун, продолжая легонько похлопывать по ладони. — Времена изменились. Что еще за глупости — «последую, не последую»? Сейчас никто из нас сам себе не хозяин. До Императорской зимней охоты еще вечность, так что сперва разберись со своими делами.

Вся угрюмость, окутывавшая Гу Цзиньюя тяжелым облаком, мгновенно рассеялась от этих шлепков. Для него главным было одно: Сяодун не кинулся тут же защищать Су Минья. А значит, победа осталась за ним.

Цзиньюй порывался обнять его, но, словно устыдившись собственной нечистоты, лишь бережно сжал ладони юноши в своих широких ладонях, согревая их дыханием.

— Когда я вернусь, со мной все будет в порядке, — негромко пообещал он. — Если не объявлюсь до начала зимы, пришло к тебе Хуацзиня. Постарайся не покидать поместье Гу, а еще лучше — вообще не уходи отсюда. Живи в академии, а в Западный сад процветания заглядывай как можно реже.

Желая его успокоить, Гу Сяодун послушно и без лишних расспросов кивнул. Он шутливо сжал пальцы в кулачок и легонько стукнул им по огромному кулаку Цзиньюя.

Из своего гнезда выбрался Сяо Пэй. Поскуливая от нетерпения, щенок принялся ластиться к их ногам, тыкаясь мокрым носом.

Сяодун подхватил малыша на руки и помахал его пушистой лапкой перед лицом Цзиньюя:

— Попрощайся с папочкой. Пожелай ему легкой дороги, славных побед и чтобы жизнь его всегда была ключом, яркая и безмятежная!

\*\*\*

Гу Цзиньюй исчез так же бесшумно, как и появился. В академии Широкого Благодеяния о нем вспоминали нечасто, но стоило Сяодуну уловить в чужих разговорах знакомое имя, как он тут же незаметно наострял уши. Из слухов выходило, что Цзиньюй отправился на юго-запад — наводить порядок среди взбунтовавшихся банд цзянху. О его участии в придворных интригах и борьбе за власть не было слышно ни слова, что не могло не радовать.

Сяодун лишь озадаченно почесывал макушку, держась в стороне от сплетен. Единственным, кто постоянно крутился рядом, оставался простодушный Су Сяюань. Этот неутомимый юноша

то и дело докучал ему расспросами обо всем на свете — от меню на обед до тонкостей трактования «Четверокнижия» и канонов благородных искусств.

Настоящей занозой в боку стал вернувшийся после весенних экзаменов Юэ Сюньчжи. Проходя мимо, он вечно норовил задеть Сяодуна: то, словно развлекаясь с комнатной зверушкой, дернет за шпильку, растрепав аккуратный пучок на его макушке, то слащаво процедит сквозь зубы:

— Надо же, как трогательно ладят наша старшая постельница и младшая наложница.

Сяююань от таких слов вспыхивал до ушей и бросался спорить, но мерзавца это лишь раззадоривало. Было тошно, однако Сяодун утешал себя тем, что теперь Сюньчжи хотя бы ограничивался ядовитыми шуточками и не распускал руки, как прежде.

Время от времени объявлялся и Гуань Юньсян, внебрачный брат Гуань Юньцзи. Он усердно набивался в друзья к Сяююаню, попутно бросая на Сяодуна сальные взгляды, за что регулярно получал нагоняй: хмурый Юньцзи неизменно являлся лично и за шиворот утаскивал непутевого братца прочь. Наблюдая за этой парочкой — грозным, как карающий бог, старшим братом и поджигающим хвост младшим, — Сяодун едва сдерживал смех.

Пусть Гуань Юньцзи и кривился от досады, Сяодун замечал, как тому порой льстит эта роль строгого покровителя.

В один из таких дней, переведя взгляд на вечно улыбающегося Гэ Дунчэня, Сяодун поинтересовался:

— Брат Дунчэнь, а как поживает твоя младшая сестра? Ей ведь уже около десяти лет, верно? Она не собирается поступать к нам? В этом году в Северное крыло приняли очень много благородных девиц.

Шел апрель. Вся троица собралась в комнате Дунчэня, куда тот затащил приятелей под предлогом того, что ему жизненно необходимо залить вином тоску после «провала» на весенних экзаменах. Сяодун, не дурак выпить в хорошей компании, охотно согласился.

За последние годы он осознал, что больше не хочет засыпать пьяным в присутствии Су Минья — слишком уязвимым он себя чувствовал. А вот с Дунчэнем и Юньцзи он парадоксальным образом ощущал себя в полной безопасности. Он знал: если переберет, эти двое всегда дотащат его до собственной постели. Су Минья же никогда так не поступал — просто оставлял его у себя в Бамбуковом двореке, лишая всякого выбора.

Услышав вопрос о сестре Дунчэня, Гуань Юньцзи соорудил крайне красноречивую мину, выражавшую нечто вроде: «Ну ты и нашел о ком спросить». Улыбка на лице самого Гэ Дунчэня на мгновение застыла.

— Моя Дунлан... — протянул он, быстро справившись с замешательством. — Матушка души в ней не чаёт. Шагу ступить без нее не может, так что отпускать из дома в такую даль пока не торопится.

— Понимаю, понимаю, — закивал Сяодун и, чтобы замять неловкость, поспешил пододвинуть к нему шкворчащий на углях ломтик мяса. — Угощайся, брат, пока горячее!

Дунчэнь шутливо прижал ладонь к груди, притворившись хрупкой девицей:

— Ох, только наш милый Шаньцин и заботится обо мне, грешном.

— Меня сейчас стошнит, — подал голос Юньцзи.

Сяодун весело рассмеялся. Ему нравилось наблюдать за пикировками этой парочки. Наедине друг с другом они теряли весь свой лоск и превращались в обычных, близких друзей. Подхватив палочками еще один сочный кусок, он положил его в чашку хмурого приятеля:

— И ты ешь, брат Юньцзи. Не дуйся.

— Хм, — буркнул тот, но мясо съел.

Дунчэнь лишь покачал головой, тихонько прищелкнув языком.

Спустя несколько чарок Сяодун, чей хмель забирал куда быстрее, чем у них, окончательно захмелел. Его голова отяжелела, он привалился грудью к столу и устался на приятелей затуманенным, сонным взором.

— Брат Дунчэнь, ты ведь у нас такой способный, к чему все эти терзания? Была бы шея, а хомут найдется. Не повезло на весенних экзаменах — так в следующий раз утрешь всем нос, делов-то. И ты, брат Юньцзи... Вечно ходишь с такой миной, будто у тебя корову увели. Настоящий грозный судья подземного мира. С твоим-то скверным характером недолго и раньше времени морщинами покрыться. Станешь дряхлым, ворчливым дедом...

Юньцзи с деланным раздражением отмахнулся от него:

— Замолчи лучше. Вечно из твоего рта так и сыплются колкости.

— Ах, значит, я должен источать один лишь елей? — прыснул Сяодун, едва держась на стуле от смеха. — Ну хорошо, слушай благословение: желаю тебе поскорее обуздать свой нрав, обзавестись добродетельной супругой, нарожать кучу детишек и дослужиться до великих чинов. Чтобы купался в роскоши, а всякая шваль перед тобой на цыпочках ходила! Ну как, усладил твой слух?

Лицо Юньцзи потемнело еще сильнее:

— Заткнись и пей. Меньше болтай — целее будешь.

Дунчэнь подлил ему еще пару чарок, которые Сяодун послушно осушил до дна. Взгляд его окончательно поплыл, ресницы затрепетали. Он обиженно надул губы, уставившись на Юньцзи:

— Господин Угрюмость... Вечно ты меня шпыняешь. С двенадцати лет надо мной издеваешься, злыдень.

— Это еще кто такой? — нахмурился тот.

— Ты! — хихикнул Сяодун. — Из благородного клана Гуань, а ходишь вечно чернее тучи, словно в комнате свет потушили! Ха-ха-ха!

Юньцзи готов был лопнуть от злости, слушая этот пьяный лепет. Дунчэнь же, забавляясь, подался ближе к Сяодуну:

— А для меня у тебя прозвище найдется?

— Ты-ы-ы?.. — Сяодун сделал еще глоток, забавно сморщил покрасневший нос и уставился на него затуманенным взглядом. Выглядел он в этот миг до невозможности очаровательно. — Ты у нас липкая ириска. Из тех, что липнут к зубам и никак не отвяжешься. Сладкий, пристающий, вечно лыбишься... Настоящий сахарный человечек.

Дунчэнь так и расцвел от удовольствия:

— Отличная кличка. Мне нравится.

Юньцзи же возмутился не на шутку:

— А мне не нравится! Предупреждаю тебя, Гу Сяодун, живо придумай мне другое имя!

— Какой ты злой, — обиженно протянул юноша и, покачиваясь, поднялся со своего места. — Не хочу больше с тобой сидеть. Пойду к своему молодому господину Су.

Дунчэнь издевательски усмехнулся:

— Твоему молодому господину Су сейчас не до тебя. У него есть прелестная маленькая наложница, зачем ему сдалась обрыдлая старшая постельница?

Даже сквозь плотную пелену хмеля эти слова больно ужалили Сяодуна. Он судорожно вздохнул и ткнул в Дунчэня подрагивающим пальцем.

— Что, попал в яблочко? Сам подумай, сколько времени он уже не кажет носа? — Дунчэнь мягко усадил его обратно на стул. — Ну и шут с ним. Давай-ка лучше выпьем, и ты сладко уснешь.

Сяодун шмыгнул носом. Глаза его подозрительно заблестели от подступающих слез. В одно мгновение опустошив еще две чарки, он пробормотал:

— Тогда... я пойду к Сяо Пэю.

Вместо ответа Дунчэнь шутливо твякнул ему прямо на ухо.

Юньцзи наблюдал за этим с тяжелым, неопишуемым чувством, то и дело до хруста сжимая в пальцах глиняную пиалу. Вскоре нетрезвый юноша окончательно захмелел от стараний этого подлеца. Веки его отяжелели, и он безвольно повалился вбок. Дунчэнь тут же подхватил его на руки, бережно, словно младенца, укачивая в своих объятиях. Сяодун погрузился в глубокий, беспробудный сон — теперь с его телом можно было делать все, что угодно.

Пользуясь его беспомощностью, Дунчэнь принялся осторожно ласкать его лицо, покрывая нежными, едва ощутимыми поцелуями.

Гуань Юньцзи зачарованно наблюдал, как чистая, безупречная белизна кожи Сяодуна, подобная благородному нефриту, медленно наливается лихорадочным румянцем под чужими пальцами. На его глазах Дунчэнь принялся развязывать шелковый пояс, слой за слоем обнажая его тело, прижимая к себе и упоенно покрывая поцелуями каждый открывшийся участок кожи. Вдоволь насытившись этим зрелищем, Дунчэнь извлек из-за пазухи припасенные заранее тонкие шелковые ленты. С пугающей ловкостью он принялся обматывать ими тонкую талию и изящные щиколотки спящего юноши, укладывая ткань замысловатыми витками. От этого порочного, дразнящего зрелища у Юньцзи мгновенно пересохло в горле.

Юньцзи единым махом осушил еще полкувшина вина. Когда он почувствовал, что ласки Дунчэня переходят все границы дозволенного, он с яростью ударил кулаком по столу и сквозь зубы процедил:

— С тебя хватит! Прекращай эту грязь!

Удовлетворенно облизнув губы, Дунчэнь нехотя отстранился. Юньцзи тут же собственническим жестом перетянул безвольное тело Сяодуна к себе. Он крепко, до боли сжал его в объятиях, не смея ни поцеловать, ни прикоснуться губами к этой нежной коже. Он лишь сидел, тяжело дыша от kloкотавшей внутри глухой, бессильной ярости.

— Сколько ни ласкай его — все мало, — посмеиваясь, отозвался Дунчэнь и принялся неторопливо поправлять свои растрепавшиеся одежды. — Он податлив, точно мягкая глина в руках мастера. Ах да, я и забыл: наш благородный молодой господин Гуань ведь у нас чист аки снег на вершинах, к подобным забавам непривычен.

— Ты горазд храбриться, только когда он без чувств, — холодно процедил Юньцзи, бережно прикрывая ладонью затылок спящего юноши. — Если ты такой смелый, попробуй отнять его у Су Минья в открытую. Ты хоть раз видел, как Су Минья целует его? Сяодун в его руках не лежит как безжизненная кукла — он сам льнет к нему, послушно приоткрывая губы навстречу. А что можешь ты?

Дунчэнь лишь хмыкнул, ничуть не уязвленный его словами. Он бесцеремонно протянул руку и обхватил ладонью лодыжку Сяодуна. Смуглая кожа его пальцев резко контрастировала с ослепительной белизной юноши.

— Подумаешь, Су Минья, — небрежно бросил он, поглаживая большим пальцем нежную кожу под коленом. — А вот видел ли ты, как забавляется твой венценосный кузен? Второй принц не знает жалости, его аппетиты безграничны. Если бы вторая сестра Гу стала его законной супругой, она, возможно, сумела бы немного его обуздать. А так... даже мне порой становится не по себе от его выходок. Наш наивный Шаньцин просто не выдержит его напора. Его уничтожат за пару ночей.

Юньцзи оцепенел. Взгляд его прикипел к тому месту на ноге Сяодуна, где покоилась рука Дунчэня. Кожа там казалась хрупкой, как тончайший фарфор — казалось, сожми чуть сильнее, и она расколется. Когда пальцы Дунчэня медленно поползли выше, к колену, Юньцзи резко пришел в себя. Нахмурившись, он высвободил руку, и из его широкого рукава, бесшумно и стремительно, точно перышко на ветру, скользнул острый нож Крылья Бабочки. Лезвие промелькнуло в полутьме со свистом. Дунчэнь успел отдернуть руку, но сталь все же успела задеть его пальцы, оставив неглубокий порез.

Несколько алых капель сорвались с пореза и упали на белоснежную грудь Сяодуна, прочертив тонкую, извилистую дорожку. Оба затаили дыхание, глядя на этот контраст. Юньцзи, не дожидаясь, пока Дунчэнь снова протянет руки к добыче, окончательно прижал Сяодуна к себе. С предельно сосредоточенным выражением лица он принялся аккуратно перерезать тонким лезвием ножа обвивавшие тело юноши шелковые путы.

Он действовал невероятно бережно — и оттого непозволительно медленно.

Дунчэнь плеснул себе остатки вина в чарку и медленно пригубил его:

— Не строй из себя святошу. Если бы я не делился с тобой, тебе бы и этих крох со стола не перепало.

Юньцзи бережно приподнял Сяодуна, устраивая его поудобнее, но от слов приятеля его вновь захлестнула злость:

— Да пошел ты! Если бы ты сам не боялся сорваться и зайти слишком далеко, то не звал бы меня каждый раз! Не присматривал бы я за тобой, ты бы давно уже натворил глупостей и сейчас тут не ухмылялся бы!

Дунчэнь лишь мысленно усмехнулся: «И кто из нас еще упрямится?» — но вслух спорить не стал, великодушно прощая другу его ревнивую вспышку. Он осушил чарку и небрежно отбросил ее в сторону, после чего с неподдельным интересом предложил:

— С каждым разом затащить его на пьянку все труднее. Может, в следующий раз просто подмешать ему в питье каплю Зелья Одурманивания Разума?

— Что?! — Юньцзи едва не задохнулся от возмущения. — Мало тебе вина, так ты его еще и травить вздумал? Совсем стыд потерял?! — С этими словами он еще крепче прижал к себе спящего юношу, словно защищая от угрозы.

— Это зелье совершенно безвредно для тела, — лениво принялся объяснять Дунчэнь, загибая пальцы. — Достаточно одного глотка, чтобы он уснул безмятежным сном. Старинный рецепт, проверенный веками. Единственный его недостаток — запредельная стоимость. К тому же у Сяодуна растет пристрастие к хмелю, частый алкоголь вредит желудку. А тут — чашка сладкого отвара, и никаких мучений.

— Замолчи, тошно слушать, — оборвал его Юньцзи. — Я отнесу его обратно. И без твоих бредней забот хватает, а ты только и думаешь, как бы затащить его в постель. Никакого достоинства в тебе нет.

— Потому и думаю о нем, что тошно, — Дунчэнь перехватил теплую ладонь Сяодуна и запечатлел на ее тыльной стороне долгий поцелуй. — Он ведь как целебный бальзам. Стоит мне лишь вспомнить о нем, как на душе теплеет, а уж когда касаюсь его — и вовсе забываю о невзгодах. Жаль только, что за ним стоят и императорский род, и кланы Су с Гу... Никого из них нам не одолеть. Эх, кабы я знал все наперед, забрал бы его к себе в наложники еще тогда, в самом начале. Сейчас бы горя не знал.

— Бесстыдник.

— Учитывая, какая вражда назревает между кланами Ань и Гуань, у тебя и вовсе скоро не останется возможности для подобного «бесстыдства».

Юньцзи промолчал, помрачнев еще сильнее.

— Вот поэтому я и говорю: в следующий раз напоим его зельем, — Дунчэнь ласково провел пальцами по щеке спящего Сяодуна. — Пока твой кузен не добрался до него, нужно брать от жизни все.

\*\*\*

После посиделок Сяодун спал без задних ног и проснулся совершенно свежим. Обнимая подбежавшего Сяо Пэя и усердно трепля его по загривку, он лениво размышлял о том, когда им с друзьями доведется собраться за вином в следующий раз.

Сяо Пэй рос не по дням, а по часам, за пару недель превратившись из бесформенного пушистого комочка в крепенького, упитанного пса. У него вовсю резались зубы, и он безуспешно пытался грызть все, что попадалось на глаза. Сяодун находил это чрезвычайно забавным и то и дело подбирал для питомца подходящие деревяшки для точки зубов. Возня со щенком приносила ему массу удовольствия. И пускай порой он ворчал на его шалости, разве можно было всерьез сердиться на собаку? В отличие от людей, пес был прост и понятен в своей безграничной верности. В его преданности не скрывалось двойного дна, его любовь не требовала условий, а время, отпущенное им двоим, можно было измерить простым человеческим телом.

Сяодун привязывался к собаке все сильнее и даже завел для нее отдельный дневник, где зарисовывал этапы ее взросления. В середине мая, когда он как раз делал очередной набросок, на пороге его покоев появился слуга из Бамбукового двора.

— Молодой господин Су вернулся? — с нескрываемой надеждой спросил Сяодун.

Слуга почтительно кивнул. Юноша тут же отпустил щенка и, окрыленный радостью, поспешил к Бамбуковому двору. Они не виделись целую вечность. Через несколько дней, пятнадцатого мая, наступал день рождения Сяодуна, и он не сомневался, что Су Минья поторопился с возвращением именно ради этого праздника.

Оказавшись у ворот усадьбы, он радостно припустил по дорожке, петляющей под сводами цветущих глициний. Сяодун весело окликал возлюбленного на бегу, и стоявшие на страже слуги даже не успели предостеречь его о гостях.

Взбежав по нефритовым ступеням крыльца, Сяодун замер: навстречу ему из дверей главного зала уже выходил Су Минья. Счастливого юноша без раздумий бросился ему на шею:

— Господин Су! Я так скучал!

Су Минья негромко откликнулся, легонько погладив его по спине от затылка до поясницы, после чего мягко отстранил:

— Отчего от тебя пахнет псиной?

— Ах, это! Я ведь недавно завел щенка, — спохватился Сяодун и послушно отступил на пару шагов, принимаясь усердно отряхивать невидимую шерсть со своих одежд. — Хорошо, что твоя



прежняя одышка прошла, иначе я бы ни за что не посмел подойти к тебе после игры с собакой...

— Надо же, наш Шаньцин, оказывается, питает слабость к собакам?

Из глубины зала раздался насмешливый голос. Сяодун вздрогнул и поднял глаза. За столом вольготно расположился самый несносный человек во всей академии — Юэ Сюньчжи. Бездельник нагло ухмылялся, качая ногой:

— Господин Су ведь тоже не прочь завести преданного пса, верно?

Ямочки на щеках Сяодуна мгновенно исчезли. Он принял чинный, подчеркнуто вежливый вид:

— Какая неожиданная встреча, молодой господин Юэ.

— Ничуть не неожиданная. Я просто напросился в гости без приглашения, — рассмеялся Сюньчжи. — Это тебя, Шаньцин, здесь принимают со всеми почестями, будто дорогую невесту. Благо у господина Су безупречные манеры, и он снисходителен к нам, простым смертным.

Су Минья мягко взял Сяодуна за руку и увлек внутрь зала. Усадив его рядом с собой, он бесстрастно бросил гостю:

— Всякий гость в моем доме желанен. Если у тебя возникнет желание, Сюньчжи, впредь можешь навещать меня прямо в поместье клана Су.

— Непременно воспользуюсь вашим приглашением, — расплылся в улыбке Юэ Сюньчжи. — Я давно искал возможности сблизиться с вами. Премного благодарен за оказанную честь. — Он бесцеремонно поднял пиалу с чаем, салютуя хозяину дома, осушил ее одним глотком и, поднявшись, пересел за соседний стол, оказавшись в опасной близости от Сяодуна.

— Кстати, а где же наш младший Су? Почему Сяююаня не видно?

— Скоро будет, — лаконично ответил Су Минья.

— Вот как... — Сюньчжи перевел липкий, изучающий взгляд на Сяодуна. — Знаешь, Шаньцин, мне ведь давно следовало извиниться перед тобой. Признаю, в прошлый раз я повел себя излишне резко и по неосторожности оскорбил столь дорогого гостя господина Су.

Сяодун невольно напрягся и слегка придвинулся ближе к Су Минья, натянув на лицо дежурную улыбку:

— Не стоит. Что было, то прошло. К тому же вы, молодой господин Юэ, тогда и сами сполна поплатились за свою горячность.

— О да, урок я усвоил на всю жизнь, — со вздохом согласился тот. Он принялся неторопливо закатывать рукав, обнажая крепкое, мускулистое предплечье, на котором виднелся едва заметный бледный след. — Мою руку тогда переломали в щепки. А вот что случилось с твоей левой ладонью, Шаньцин? Мне так и не довелось узнать, насколько серьезной была рана. Не позволишь ли взглянуть на нее сегодня? Быть может, это поможет мне подобрать для тебя достойный подарок в знак примирения?

Сяодун опустил ресницы. В зале воцарилась тяжелая, звенящая тишина. Выждав несколько мгновений, он медленно поднял левую руку и под пристальным, насмешливым взглядом Сюньчжи принялся виток за витком развязывать шнуровку на запястье, обнажая бледную кожу.

Юэ Сюньчжи тихо и восхищенно присвистнул:

— Какая нежная, светящаяся белизна... Ну и повезло же вам, молодой господин Су. Такая драгоценность в руках.

<http://bllate.org/book/20609/2213585>